

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ПРЕОДОЛЕТЬ СЕБЯ

В творческой биографии народного артиста РСФСР Юрия Соломина десятки ролей на сцене Малого театра, в кино, на телевидении. В большинстве из них раскрываются лучшие черты советского человека, глубина характера героев русской классики. Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советского театрального искусства и в связи с пятидесятилетием со дня рождения Юрий Мефодьевич Соломин награжден орденом Дружбы народов.

В последнее время Юрий Соломин привлек внимание зрителей режиссерскими работами в театре и кино. С этого и началась беседа с ним корреспондента «Труда».

— Похоже, актер Юрий Соломин становится режиссером Юрием Соломиным...

— Нет, я никогда не ставил перед собой такой задачи. Профессии актера и режиссера взаимосвязаны, и актеры нередко сами ставят спектакли и фильмы, но при этом остаются актерами. Режиссерские работы были у Щепкина, Южина, Ленского... Спросить актера, почему он занимается режиссурой, — все равно что спросить поэта, почему он часто пишет прозу. Актерство и режиссура — это две профессии, но дело одно. Бывает, актеру недостаточно ощущать свою работу лишь частью общего авторского замысла, возникает стремление творчески осмыслить и воплотить все, что автор вложил в произведение.

— Почему для своих режиссерских дебютов в театре вы выбрали Гоголя и Островского?

— Мощная драматургия. На какой же драматургии пробовать силы, если не на такой?

— Поговорим теперь об актерской профессии. Однажды на вопрос, влияет ли роль на исполнителя, один известный актер ответил мне: нет, наоборот, я влияю на роль...

— Я вы не ответили однозначно. Естественно, актер — создатель образа, но, с другой стороны, хорошая драматургия — роли — интересная судьба, крупный характер не может не оставить во мне следа. На меня мои роли влияют в основном положительно. Да иначе и быть не может. Такие, как Кольцов из «Адъютанта его превосходительства», Телегин из «Хождения по мукам», Славин из фильма «ТАСС уполномочен заявить», — эти роли ко многому обязывают человека, который их сыграл. Я не имею права на поступки, которые могли бы дискредитировать моих героев. И самому было бы стыдно, и отношение ко мне как к актеру стало бы скептическим. Зрители ведь связывают свое представление об актере с его ролью. Правда, иногда это принимает нелепую форму. Например, после премьеры фильма «Летучая мышь» я получил письма, в которых некоторые зрители так и писали: «Вам нельзя играть такого легкомысленного человека, как Айзенштайн». Но почему?

— Какой должна быть роль, на которую вы согласитесь?

— Я в каждой роли ищу боль сегодняшнего дня. Но это не может быть что-то одно. В современной жизни много болевых точек, много важных и волнующих человека проблем. Если роль может вызвать у зрителя размышление хоть об одной из них, я на нее соглашаюсь.

— Настоящий труд всегда требует какого-то преодоления. Что приходится преодолевать вам?

— Не что, а кого. Самого себя. Потому что каждая роль начинается с нуля, и за ней не

должен тянуться шлейф уже сыгранных ролей. Преодолеть в себе уже привычное, которое, к слову сказать, часто глубоко и прочно гнездится в нас, актерах, — вот самое трудное в нашем деле. Каждая новая работа — экзамен, независимо от опыта, популярности, звания. Помню, играл в одном спектакле с Жаровым. И однажды увидел его грустным после того, как он прошел со сцены за кулисы. «Что-нибудь случилось, Михаил Иванович?» — спросил я. И Жаров, чей большой талант был бесспорным, авторитет среди коллег непререкаемым, а любовь к нему всенародной, тихо ответил: «Ничего не получается, это дело надо бросать».

Мы, актеры, конечно же, играем для зрителей, и их оценка очень важна. Но если зрителям твоя работа нравится, критика благожелательна, но сам ты чувствуешь — не то, что-то мешает, что-то в себе не преодолел, то истинной радости нет. И никакие похвалы не заменят ее. Думаю, ни один актер, даже, на первый взгляд, преуспевающий, известный, не скажет вам, что доволен тем, что сделал. Сама профессия наша предполагает постоянную жажду нового.

— Недавно вы закончили снимать картину о Минлухо-Маклае и сыграли в ней главную роль. Чем она привлекла вас?

— Это был удивительный человек. Личность. Николай Николаевич Миклухо-Маклай был не только выдающимся этнографом, изучившим коренное население Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании и подарившим науке свои блистательные труды. Он был еще и замечательным художником. Я снял на пленку и внес в фильм подлинные его рисунки, любезно предоставленные мне Географическим обществом. Но главное, пожалуй, Николай Николаевич дорог нам сегодня как человек, уже тогда, более ста лет назад, выступавший против расизма и колониализма, являвший собой пример доброты и миролюбия русского человека. Сегодня пример этого великого ученого и гражданина, патриота и подлинного интернационалиста активно работает на решение важнейших проблем времени.

— И последний вопрос, Юрий Мефодьевич: вам исполняется пятьдесят лет. Как вы воспринимаете это событие?

— Не трагически. По-моему, прекрасная пора в жизни человека. Давно предполагал, что однажды мне стукнет пятьдесят, но когда это случилось — удивился: вот неожиданность! Приятно удивился, потому что не чувствую, что мне «пятьдесят», или, как говорят, «полста». Я моложе. Главное — как и в молодости, очень хочу работать.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.